

Виктория Захаренко

Два рассказа про жизнь

На обратном пути

В Петре Первом жила Наташка. Когда она отходила покурить, подруга Нэлка скучала.

— Наташка, пойдем... Вон китайцы идут, там арабы. Пойдем, Наташка...

Нэлка — чрезвычайно маленькая и круглая — была хороша в Екатерине Великой, и волосы у нее свои — роскошные, вьющиеся, — а не как у Наташки колкий парик. Но ходить к туристам в одиночку она стеснялась и потому — некурящая — присаживалась рядом с Наташкой на короткий заборчик и торопила, тянула за руку, огорченно вздыхая об упущенных фотографических снимках с иностранным народом.

Наташка вынимала из Нэлкиных рук императорский рукав и затягивалась. Наташка томилась. Из уличной будки на нее глядел юноша — Павлик — так значилось имя на карточке поверх отглаженной рубашки и фартука. Павлик раздавал блины, ловко орудуя поварешкой, ножом и руками. Эти-то руки и влекли Наташку. Стоило ей закрыть глаза — зажмуриться, как будто от дыма — и мгновенно Павликовы длинные пальцы пробегали по шее, ласкали предплечья, доходили до темных грубых пуговиц на царственном камзоле.

— Наташка, негры... — скулила Нэлка, и видение обрывалось.

Приходилось идти — негры быстро замерзали, слушая об Александровской колонне, стоящей под собственным весом, и теряли интерес к заснеженному Питеру. Наташка и Нэлка встречали их у входа в автобус. Не умея пройти мимо Петра и его круглой спутницы, негры фотографировались, платили и только тогда попадали в тепло. Когда фотокарточкой был осчастливлен каждый, а часть выручки поделена между Нэлкой, Наташкой и экскурсоводом, автобус тронулся. Негры стали махать изо всех окошек, и Петр Первый с Екатериной Великой торжественно подняли руки в прощании и улыгнулись. Совсем за бесплатно.

— Вам со сгущенкой или с вареньем, сударыня?

— С вареньем, — ответил Петр Первый Наташкиным голосом. — Клюквенным.

Павлик протянул Наташке блин, задержав ее руку в своей, высунулся из теремка — так, что высокая Наташка и спрятанный за прилавком Павлик оказались одного роста — и поцеловал прямо в губы.

Виктория Захаренко, режиссер кино. Родилась в Иркутске в 1986 году. Жила в Алма-Ате, окончила режиссерскую мастерскую в Санкт-Петербургском университете кино и телевидения. Печаталась в журнале «Нева». Живет в Санкт-Петербурге.

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

— Я за него замуж выйду, — сказала Наташка, взбивая короткие волосы, от парика совсем плоские.

— Да ну, он бедный, официант! — Нэлка снимала краску с глаз и ресниц, становясь бесцветной лицом и оттого совсем юной.

— Зато красивый, — Наташка оставила свою прическу и стала помогать Нэлке, расстегивая крючки на тяжелом екатерининском платье.

Освободившись от одежек, Нэлка осталась в своем и придиричиво осмотрела себя и Наташку в зеркале.

— Ты его на две головы выше. Парни такого не любят.

— Знаешь, Нэлка, — Наташка тоже смотрела на свое отражение. — Я если полюблю, то однажды и на всю жизнь. На руках его носить буду. Такая я жадная до любви — даже самой страшно.

Нэлка ничего не ответила, только хмыкнула в ответ и понесла платье в соседнюю комнату — сдавать приемщику, где свою одежду уже укладывали в стопки другие царицы и императоры, лакеи и кучера, и один Ленин.

Наташка раздевалась долго и тщательно. Из-под камзола — две кофты, рубашка и майка. В ботфортах — трое носков. Убрала лишнее, отдала чужое. Вышла в темноту.

— Нэлка! — позвала в компанию девочек.

— В теремке она, — ответили голоса.

Прижавшись друг к другу, чтобы не задеть горячей плиты, Нэлка и Павлик целовались. Наташка сначала смотрела на них с улицы, потом постучала в окошко.

— Что будете заказывать, сударыня? — улыбнулся ей Павлик.

— Это я, Наташка, — сказала она.

— А! Петр Первый! С вареньем? клюквенным?

— Ага, — только и сказала Наташка.

Обошла теремок с изнанки, открыла дверцу, взяла у Павлика поварешку с тестом и вылила Нэлке на голову.

— Не буду! Не буду, — рыдала Нэлка в руках у медицинской сестры. — Ничего писать я не буду. Только пусть уйдет. Я ее боюсь!

— Не хотят на вас заявление писать, — объяснил Наташке милиционер. — Идите.

— Куда же я пойду? — удивилась Наташка. — Мы с ней живем вместе. Комнату снимаем.

— Не буду я с ней жить! — кричала Нэлка. — Боюсь! Чуть не убила!

— Хорошо, у вас волосы густые, — утешила Нэлку медицинская сестра.

— Париков не носим! Не то что некоторые!

— Мы поедем, — попросила сестра. — У нас еще столько вызовов. Мазью Вишневского пару дней помажьте, и все пройдет.

— И мы поедем, — сказал милиционер Наташке. — Выселять вас из общей комнаты будем. Чтобы дело не заводить.

— Я подвезу, — предложил Павлик.

Вчетвером погрузились в машину: Павлик за рулем, милиционер между Нэлкой и Наташкой — и поехали по ночному городу.

— Ну, пока, — Наташка в последний раз оглядела комнату.

— Претензий не имеете? — милиционер передал Нэлке ключи. — Тогда подписывайте.

Дальше Наташка не слушала — насовсем ушла из их с Нэлкой комнаты. У двери Павлик взялся за Наташкину сумку, и так вместе они понесли ее к выходу.

— Мы бы с тобой все равно гулять не стали, — сказал он Наташке на прощание. — Я высоких боюсь.

— Зачем тогда целовался?

— Для смеха.

— А я для любви, — сказала Наташка и пошла прочь не оглядываясь.

«Это был красивый город. В нем помещались и степь, и горы, и стеклянные дома, и река посередине, и лес по краям. Люди в нем умели устраивать жизнь нарядную, гладкую, но совсем не праздную. Они трудились и отдыхали, по ночам экономили свет, а днем некрепко запирали двери. Дети в этом городе рождались сплошь высокие, сильные, даже девушки — такие, что загляденье. Родился младенец — и сразу видно, кем станет. Ему только день, а уже занесен в городские книги — повар, слесарь, врач. Или просто — хороший человек. А когда он вырастал, то мог поменяться профессией — надо было только найти, с кем — и пробовал новое дело».

Наташка слушала тягучий голос старика и смотрела в окно. За квадратом плацкартного поездного стекла двигались деревья, мосты, дороги. Поселки и города. Старик рассказывал сказку внуку и Наташке, и всем остальным пассажирам поезда — потому что нельзя было скрыться от его голоса за вагонными перегородками. Наташка слушала.

«Однажды в городе родился мальчик. Такой же, как все, да не такой. Никто не мог назначить ему дело. Собрали врачей — говорят, не наш. Позвали сантехников — не знают такого. Вызвали учителей — чужой. Никто не признал в мальчике своего. Ни дворники, ни пожарные, ни строители. Художники и поэты тоже его не приняли. Тогда мама мальчика отказалась от него — зачем, говорит, мне нужен такой бездельник? Что я с ним буду делать? Чему учить? Какие книги ему читать? И никто ее не осудил, потому что никто никогда не бывал в этом городе без дела. И стал мальчик жить сам по себе».

Что было дальше, Наташка не узнала. Поезд приткнулся к станции, и мальчик попросил:

— Дед, пирожки! С капустой!

Они ушли из вагона, а другие люди стали в него заходить, раскладывая вещи, усаживаясь с боков и в проходах. Человек в вагонной форме — голубой рубашке с нашивками, темно-синих брюках — принимал с платформы сумки — две, три, четыре, десять. Они закрыли на время узкое вагонное горлышко — вход из тамбура в тепло — и пассажиры терпеливо топтались снаружи, ожидая, пока огромную поклажу расставят по местам. Места у сумок были сплошь на третьих полках, и вагонный человек ужасно мучился, в одиночку расставляя их под самый потолок. Он сначала подтягивал баулы к полке, рукой отодвигал чужой матрас — чтоб не запачкать белье, — становился ногами на край постели, подтягивал сумку, тяжело и долго задвигал ее на полочный верх. В окно Наташка видела очередь из пассажиров, не могущих попасть в вагон, и мальчика, который жался к старику, плача от холода и роняя слезы в откусанный пирожок.

— Давайте помогу, — Наташка ловко подняла одну из сумок и поставила на полку — ее роста хватало как раз для такой работы.

— Лихо! — похвалил вагонный человек и стал подавать Наташке остальные вещи. Вдвоем они легко и быстро освободили проход.

— Игорь, — представился мужчина, протягивая Наташке ладонь.

— А я Наташка, — сказала она, пожимая руку и глядя на Игоря сверху вниз. — Возьмите меня на работу. Только я ничего не умею.

Игорь налил себе и Наташке.

— За знакомство.

От коньяка сразу стало тепло и радостно.

— А я в Красноярск посылку везу. Курьером.

— В Красноярске стоим полчаса. Я тебя буду ждать: третий вагон, купе первое. К Свиридову.

— За любовь без обмана, — подняла рюмку Наташка и выпила первой.

Вернулась к себе, когда уже все спали — и дед, и мальчик, и остальные пассажиры. Принялась снимать туфли, колготки, стягивать тугой тяжелый свитер. От коньяка движения Наташкины были неточными, и руки задевали столик, он звенел стаканами и тарелками. Проснулся мальчик, сел на полке, глядя на Наташку, и тихо засмеялся.

— Чего ты? — испугалась она.

— Ну ты и чудище длинношеее, — мальчик зашелся смехом, и Наташка засмеялась вместе с ним. Потом она легла, и мальчик лег. Она накрылась одеялом, и он накрылся одеялом. Она повернулась на бок, и он повернулся на бок. И так они лежали, лицом к лицу, глядя друг на друга под столиком.

— А что с ним дальше стало? — спросила Наташка.

— С кем?

— С тем мальчиком, который был никем.

И он стал рассказывать:

«Мальчик ушел из города и стал странствовать. Ел одни травинки и ягоды. По ночам забирался в дупло и очень мерз, но утром, когда вставало солнце, снова оказывался счастлив. Однажды в лесу он встретил девочку. Она собирала грибы в корзину, и пела.

— Ты кто? — спросил ее мальчик.

— Я девочка, — ответила девочка.

— Кто ты есть для людей и мира? — спросил мальчик, потому что так его всегда спрашивали жители его родного города. — Чем ты полезна? Какое дело ты ведешь? Где трудишься?

— Не знаю я, о чем ты говоришь, — удивилась девочка. — Я умею петь и знаю, какие грибы съедобные, а какие нет. Я приношу их домой, а потом иду играть с другими детьми. Вечером мама кормит меня ужином, и я ложусь спать. Утром я говорю ей, какие сны видела. Потом я кормлю уток и гусей и отпускаю собак гулять. Потом иду в лес или на озеро. Так проходят мои дни.

— И так живут все люди в твоём городе?

— Так живут все дети, — сказала девочка. — А взрослые их растят и любят, и никто из детей не знает, какое их дело. Пока не вырастет.

— Возьми меня с собой, — сказал мальчик. — Я тоже хочу кормить птиц и разбираться в грибах, расти и узнавать, какое мое дело. А когда я стану взрослым, то вернусь в свой город, потому что перестану быть бездельником, и моя мама тогда сможет со мной дружить.

И они пошли вместе».

— А знаешь, что случилось, когда мальчик вырос? — спросил шепотом мальчик. Но Наташка не ответила — она спала.

Красноярск был шумным и солнечным. Наташка пересчитала деньги — пять тысяч пятьсот рублей — и пошла к торговым рядам: к бюстгальтерам всех размеров, чулкам и джинсам, кружевным сорочкам и зимним курткам. Выбрала нарядную белую блузку и зашла за занавеску — мерить.

— Юбку сразу бери, — сказала продавщица. — За три всё отдам.

Занавеска была Наташке мала, и из-под нее выглядывали босые ноги. Переступая на узкой картонке с ноги на ногу, Наташка стянула одну штанину, потом другую, взяла у продавщицы юбку. Занавеска упала, откинутаая ее рукой, и Наташка явилась продавцам и покупателям во всем новом — в красивом и строгом, обтягивающем и летнем — в солнечном Красноярске на вокзальном морозе.

— Беру за две, — сказала Наташка, покрутившись вокруг себя, глядя в длинное зеркало — в него помещалась только часть Наташки, и продавщица лавировала зеркалом то вверх, то вниз — показывая Наташке по отдельности то юбку, то блузку, пытаясь, вопреки законам физики, поймать в отражение всю Наташку целиком.

— Ты себя в зеркало видела? — удивилась продавщица. — Две восемьсот.

— Где ты еще такую шпалу найдешь? — удивилась в ответ Наташка. — Две двести.

Даже среди пестрого сиюминутного народа, каким был полон красноярский вокзал — в домашних тапочках, в халатах, в накинутых поверх пижам пуховиках, — Наташка выделялась. Как фигура на носу корабля, открытая всем ветрам и открывающая судну путь, Наташка прокладывала свою дорогу в новую жизнь — в третий вагон, первое купе. Здесь ее уже ждал Свиридов, и когда поезд тронулся, Наташка поцеловала его в губы, а он стал снимать с нее новую одежду. Когда она осталась совсем без ничего, разделся сам. Наташка обняла его так крепко, что стало неясно — где кончается один человек и начинается другой.

Так в мчащемся поезде взор недвижимого наблюдателя не различает — где один вагон переходит в другой и в каком из них полки общие, а в каком персональные. Они проносятся перед ним одинаково скорые, одинаково мощные, одинаково мимолетные.

Наташка снимала сумки с самого верха — то на станции «Бор», то на «Плавильном». Передавала встречающим, те проверяли. В сумках были еда и одежда, постельное белье и корм для животных, и много чего еще такого, что Наташка не видела, но за что получала деньги. Игорь пересчитывал их, закрывшись с Наташкой в отдельном купе, и ложился к ней ночевать.

— И как ты меня выбрал? Я, может, еще расти буду... — говорила Наташка, подтягивая колени, чтобы уместиться на полке совершенно.

— В койке все одного роста, — отвечал Игорь, притягивая Наташку к себе.

Когда живот стал совсем заметен, Игорь забрал у Наташки сумки.

— Я сам. Будешь деньги считать.

— И вовсе мне не тяжело, — сказала Наташка, снимая легкую сумку и для смеха ставя ее себе на живот. — Даже удобно. Как на полке.

— Дура! — крикнул на нее Игорь и, больно взяв за локоть, отвел Наташку в купе. — Собирай манатки.

— Чего? — удивилась Наташка.

— Вещи собирай. На станции сойдешь.

— Третий дом налево, за ним дорога вниз до реки. Там синий забор. Ключ в почтовом ящике. Дрова в сарае, — объяснял Игорь.

На перроне никого, кроме них, не было, и поезд уже выдыхал, готовясь к отправке.

— Продашь! — Игорь вытянул из тамбура сумку и кинул Наташке под ноги.

— Ты меня бросишь?

— Ну дура так дура, — восхитился Игорь. — Куда я теперь без вас? Я тебя замуж возьму. На обратном пути!

И поезд увез Игоря от перрона, оставив Наташку наедине с собой и с той новой жизнью, что она уже слышала внутри себя.

— Живой? — спросила она у того, кто должен был стать человеком, когда после долгого тяжелого спуска села на сумку отдыхать. Приложив ладони к животу, Наташка слушала два сердца — свое и чужое. И когда дыхание обоих улеглось, снова тронулась в путь.

Калитка в синем заборе распахнулась, впуская Наташку. Она нанесла дров, не с первого раза затопила печь и в чем была рухнула на кровать. Сквозь сон ей слышались гудки паровоза и голос Игоря: «Куда я теперь без вас... На обратном пути....»

— Мочалку берите. Хорошая, крепкая.

Наташка приставала к поездным пассажирам. Они редко обращали на нее внимание.

— Кому тут мочалки нужны, в сортире мыться? — смеялись соседки-торговки. Товар у них был сплошь полезный — огурцы, капуста, вязанные носки. Пассажиры Наташку ругали:

— Жесткие, — говорили женщины.

— Не-на-ту-ральные, — тянули девушки.

— Колючие, — плакали дети.

— Почему мочалка? — лишь однажды спросил у Наташки солидный мужчина.

— Пятьсот, — обрадовалась Наташка.

— Сама ей мойся, — посоветовал мужчина и, бросив мочалку, пошел по рядам: — Почему? Почему? Почему?

Наташка мочалку разорвала, остальные выкинула и пошла домой.

— Живой? — по привычке спросила у человека внутри себя, останавливаясь отдохнуть после спуска. И ничего в ответ не услышала.

У калитки ее ждал Игорь. Наташка говорила с ним, улыбалась, а сама отходила в тишину комнаты, прикладывала ладони к животу и слушала. Одно сердце заходила в страхе. Одно билось с переборами — ее, Наташкино. Другого не было.

— Возьми меня с собой, — попросила Наташка, когда Игорь собрался уезжать. — Мне в город надо. Мертвого ношу.

— Как ребенка назвали? — спросила женщина в белом халате. — Не можем без имени хоронить.

— Сережей, — сказала Наташка.

— Андрей. В честь отца, — ответил Игорь.

Женщина записала данные в нужную ведомость, выдала вещи.

— Спасибо, — сказала Наташка.

И они пошли из больницы наружу.

— Я теперь тебя вдвое сильнее любить буду, — пообещала Наташка. — Хочешь, нового заведем?

— Дура! Какая ты дура! — сказал Игорь, опустился на лавочку и заплакал. Наташка сидела рядом, ждала, пока он утихнет. В ней самой не было ни слез, ни печали — пустая была Наташка. И так они сидели вдвоем, и каждый по отдельности переживал свое горе, не умея помочь другому. Когда Игорь успокоился и встал со скамейки, Наташка осталась сидеть.

— Я, наверно, домой поеду, — объяснила ему.

— Заезжай. На обратном пути, — попросил ее Игорь.

Все здесь было Наташке знакомо — и общая спальня, и стены в зеленой покраске, и душ на втором этаже, и комната девочек — справа, и игровая.

— Возьмите меня на работу, — попросила Наташка директора детского дома. — Я могу вам полы мыть и каши готовить. Я даже варенье сумею.

— У нас уже есть — и уборщицы, и поварахи.

— Куда мне идти, — спросила Наташка. — Это мой дом.

— Он теперь не твой, — сказал директор и подвел Наташку к окну. — Видишь? Тут живут другие государственные дети. Для тебя здесь больше нет места.

— Что же мне делать?

— Жить и работать.

Наташка смотрела в окно — на мальчиков и девочек, на их дела и занятия. Только один человек не играл со всеми. Наташка узнала его, спустилась во двор и сказала:

— Здравствуй. А это я.

— Здравствуй, — ответил мальчик и замолчал.

Наташка стояла рядом и не знала, о чем говорить. Мальчик сидел так тихо, точно не хотел ни одним движением выдать себя другим. И даже Наташке. Тогда она села рядом и обняла его.

— А что стало с тем мальчиком, когда он вырос?

— Я совсем забыл, — ответил ей мальчик. — А дед мой умер. И он теперь мне не напомнит.

— Тогда я сама тебе все расскажу, — пообещала Наташка.

Поезд встал, и проводник открыл для них дверь. Мальчик первым выбежал из вагона, припустил по склону, скатился к реке.

— Живой? — спросила его Наташка, догнав внизу.

— Живой, — ответил он, отдышавшись.

Они разделись и вошли в воду.

— Только я плавать не умею, — сказал мальчик.

Тогда Наташка легко взяла его на руки и подняла в воде, положив на живот, чтобы он мог работать руками и ногами и учиться плавать.

Мальчик сначала лежал у Наташки на руках, а потом оттолкнулся, поплыл сам — и вода держала его.

— Загребай сильнее, — сказал кто-то с берега. Это был Игорь.

— Здравствуй, — сказал он Наташке. — А я тебя ждал.

Он вошел в воду и поплыл рядом с мальчиком.

И так они купались вместе, а Наташка шла за ними по берегу. Видно ее было далеко отовсюду — и даже с середины реки обоим пловцам было ясно, куда надо плыть, чтобы вернуться домой.

Кирилл

Так хорошо бежалось, что Кирилл сделал еще один круг по парку, хотя мог бы свернуть в сторону дома. Бежал на коротком дыхании, ставя ступню не полностью, едва ли замечая работу рук и ног, — наступал момент, когда бежать было легче, чем идти, остановиться значило разрушить всю ту слаженную работу организма, настройка которой происходила в первый час бега и была столь трудной и болезненной, что не всегда давалась Кириллу, и он бросал дистанцию на сорок первой минуте. Но сегодня время перевалило за час — он проверил по экрану телефона — и все еще бежалось. Поэтому он свернул к парку, в свет фонарей в асфальтовой аллее. И сразу же увидел: человек лицом на тротуаре, ногами — к шоссе; машина и водитель; кровь на асфальте, портфель и закрытый зонт. Кирилл бежал. Ставил легкие свои, почти невесомые ступни так близко с упавшим и так внимательно высматривал дорогу, что разглядел всего человека. Руки его были вытянуты вдоль тела, и он совсем не пытался встать. Просто лежал, смотрел вперед растерянно и робко. Кирилл сделал шаг, другой и, легко одолев аллею, свернул на полуосвещенный участок. Здесь уже пришлось целиком сосредоточиться на беге — земля под ногами разъезжалась от льда и снега, надо было, не снижая темпа, пружинить всем телом, нести себя вперед аккуратно и ровно.

«Почему я не остановился?» — спросил себя Кирилл. Эта мысль была такой простой и внятной, что он стал думать ее на бегу, тем более что снег кончился и вновь

начался асфальт. «Рядом был водитель, он отвез в больницу». Кирилл бежал. «А если инфаркт, водитель растерялся и не вызвал скорую? Или не смог в одиночку донести до машины? Или...» Кирилл сбился с шага, дыхание перехватило. Он пробовал задышать на раз, соединяя левый шаг со вздохом, но выровнять темп не получалось. Мысли становились громче инерции бега, и перед глазами вставала одна и та же картина: нога Кирилла и лицо человека. Так странно было видеть их рядом и ничего не предпринимать, что память Кирилла теперь воспроизводила этот момент, пытаясь уложить в себя, придать этому новому впечатлению смысл и оправдание. Кирилл остановился. Тут же организм сдался — засадила мозоль, там, где он неверно ставил ступню, стянуло горло, закололо в икрах. Кирилл повернулся и побежал назад — к асфальтовой аллее. Но никого там уже не было. Не было машины и водителя, не было скорой, не было прохожих, чтобы спросить. Только кровь от человека и Кирилл, остановивший свой бег. И жизнь текла мимо него, не меняя направления и ритма, — машины равнялись на светофорах, электрический свет зажигался и гас в окнах домов, люди переходили улицы, встречались и расставались. Это все было естественно и привычно. И было непонятно Кириллу только одно:

— Почему я не остановился? — спросил он вслух, и никто ему не ответил.

Дома он тщательно, вдумчиво умывал себя после бега — лицо, шею, плечи, руки, живот, ноги, каждую ступню и каждый палец.

Ночью не спал — лежал с открытыми глазами. Возле кровати у него — книжки, на столе и на полках — книжки. С крепкими корешками, не пыльные, потому что их читает Кирилл. Заполняют два шкафа, переходят на кухню, высятся в три ряда. От умных писателей, талантливых и справедливых, совестливых и тонко чувствующих. Все они учат Кирилла жить порядочно и честно. Потому, наверное, ему сейчас не спится — слишком много книжек вокруг, и ни в одной из них нет ответа на такой простой вопрос, который задает себе Кирилл:

— Почему я не остановился?

Утром он обтянул очень тонкой, упругой одеждой кисти и голени, шею и голову — укрылся весь целиком. Притягивал взоры — велосипедист в такой мороз, — но никого не замечал: ехать далеко, он весь — движение.

— Ничего не отморозил? — привычно спросил начальник. — Жениться тебе надо, Кирилл Валерьевич.

— Надо, — согласился Кирилл. — И правда, надо жениться! Страшно одному, поговорить не с кем.

Пошел между рядами однообразных столов, вглядываясь в женские лица, здороваясь с каждой.

— Доброе утро. Доброе утро. Доброе утро, дамы.

— Дамы! — так обычно говорил начальник, когда в конторе праздновали восьмое марта, собирая равнозначную мебель в один большой, несоразмерный комнате стол и заставляя его бутылками и пирогами. — Дамы! Поздравляю вас с праздником от всего коллектива...

Кирилл тогда переставал слушать, вставлял в ухо невидимый остальным наушник и жил в собственном ритме. Удачное изобретение — смотреть на дам под музыку. От этого они становились симпатичнее и милее. Особенно — рыжая Алла. В такт музыке Кирилл улыбался, она улыбалась в ответ. После праздника столы растащили, и Алла, отнесенная мебельным приливом на приличное расстояние, на виду у всех переплыла это офисное море, разбросавшее их по разным углам. Кирилл поднял глаза — удивленно, недобро — потому что уже не играла музыка в голове, а был сплошной разброд и ужас — в который раз не сводились одна к другой нужные цифры.

— Что? — спросил Кирилл.

И все за своими столами смотрели на Аллу и тоже думали: «Что?»

— Вот... — сказала Алла. — Пальто купила. Нравится?

Отодвинула полу легкого тканевого пальто, явила вышитый цветами подклад из шелка.

— Очень, — сказал Кирилл и вернулся к цифрам.

Так отчетливо теперь, в это зимнее утро, Кирилл разглядел те весенние розы на тонком пальто, что, минуя чужие столы, подошел прямо к Алле.

— Что? — спросила она.

— Вы мне нравитесь. Пойдемте в субботу в кино?

— Не могу, — сказала Алла. — Я в субботу замуж выхожу. Где же вы раньше были, Кирилл?

И он вернулся к себе — к тому месту в своей жизни, где он был раньше, и вчера, и сегодня, и где, вероятно, окажется завтра — потому что жизнь его текла спокойно, по расписанию, и подчинялась только собственному строению, а других не слушала.

И вновь никого не было важнее самого Кирилла, его дыхания и его физических усилий. Когда он проезжал вчерашнюю аллею, то старался не сбить скорость, проскочить воспоминание — и тут же, как пианист, задумавшийся о нотах — запутался, потерял равновесие, рухнул навзничь. Поднялся, оттащил велосипед с дороги, сел на обочину. На то место, где раньше лежал человек.

— Чертовщина, — сказал Кирилл. — И почему я не остановился?

Он почувствовал дрожание у сердца — там звал его, вибрируя, телефон. Звонил отец.

— Да, — сказал Кирилл.

— Почему не отвечаешь? Мать умерла. Приезжай.

Кирилл сидел на обочине и смотрел на телефон в своей руке, на пропущенные вызовы. Слез не было. Не было мыслей. Только недоумение. Кирилл набрал отца.

— Что теперь делать? — спросил он. Отец молчал. Наверное, он хотел задать Кириллу тот же вопрос, но не решался, потому что был старше. И так они оба молчали в телефонные трубки, не сбрасывая звонка.

— Приезжай, — попросил отец и стал диктовать адрес, будто Кирилл мог забыть.

— Понял, — ответил Кирилл, взобрался на велосипед, и жизнь сдвинулась, разогналась и понесла его снова — только вперед.

Надо было уговорить сестру.

— Не пойду.

На груди у сестры приткнулся и тоненько то ли сопел, то ли стонал младенец. Она говорила шепотом, чтобы не спугнуть его сон:

— У меня молока месяц не было. И потом... мы год не общались. Ты забыл? — сестра с вызовом посмотрела на Кирилла. — Она даже не знала, где я живу.

— И не узнает, — сказал Кирилл. Ему хотелось причинить сестре боль, вывести ее из этого сна, в котором есть страх только за новую жизнь, а за прошедшую — нет.

— Уйди, — попросила сестра.

— Уйди, — так однажды сказала ей мать, когда сестра объявила, что будет жить с женатым и вообще — ждет от него ребенка и просит принять ее выбор.

— Уйди, — всего лишь попросила мать и больше не сказала ни слова. Вырезала все ее фотографии из общих альбомов, выкинула кассеты с семейными праздниками. А когда Кирилл хотел их вернуть, указала на дверь и ему.

— Знаешь, — позвал Кирилл сестру. — Я вчера бежал по парку, так, для себя. Удивительно хорошо бежалось, больше часа, десятый километр пошел. Я на велосипеде хорошо могу, а бег — не дается. А вчера, понимаешь, удивительно было легко. Я бежал и увидел человека. Как он лежит на обочине, на лице у него кровь, и на асфальте кровь, он не двигается, не встает, даже попыток не делает, но смотрит перед собой, дышит. Я все это увидел, еще успел подумать — может, сердце — так странно, как будто парализован. Я понял, что ему плохо, и пробежал мимо. Не остановился. Просто потому, что удивительно хорошо бежалось, и я знал, что если остановлюсь, то не будет

десяти километров, не будет достижения, не будет довольства собой, ничего этого не будет. Я заметил кого-то с ним рядом, и внутри себя — так же легко и просто, как мне давался бег, — принял решение, что это не мое дело. Просто не мое дело и всё, ведь вот же есть человек, возможно даже, он виноват, вероятнее всего, он и сбил — теперь сам должен, нет, обязан! везти в больницу. Это все я подумал за каких-то четыре шага, секунды две, и пробежал мимо. Второй день я живу только с одной мыслью — почему я не остановился тогда? Физиология? Нет, я все видел и чувствовал, я анализировал, я знал. Равнодушие? Страх? Всё не то... нет у меня ответа. Я смотрю на тебя и боюсь. Боюсь, что ты сейчас пробежишь мимо, не сумеешь вернуться на две секунды назад. А это, оказывается, очень страшно. Всего на две секунды перестать быть человеком.

Проснулся и заплакал младенец у сестры на груди, она забрала его в другую комнату и там стала, наверное, кормить молоком, потому что он тут же замолчал, наступила тишина, в которой Кирилл оделся и вышел, прикрыв за собой дверь.

Мать хоронили втроем — Кирилл, отец и бабушка.

— Закрывайте, — подсказал могильщик, и отец взялся за крышку.

— Меня подождите, — услышал Кирилл.

Сестра вручила ему младенца и встала над матерью. Сначала смотрела на нее сверху вниз, потом села коленями в талую землю, вытянулась вся по ее мертвому телу, точно легла рядом, и так застыла, шепча что-то матери в ухо. Поцеловала ее в щеки, в губы, в сложенные на груди руки, встала, не отряхивая колен, забрала ребенка и осталась рядом с Кириллом.

И когда гроб опускали, закидывая мерзлой землей, Кирилл смотрел не на мертвую, а на живых, и думал, что все-таки можно — в горе и отчаянии — взять и остановиться, и увидеть друг в друге то, чего не различишь на бегу.

А потом была весна, и было лето, и была осень. И Кирилл все бежал, испытывая легкость в душе и тяжесть в ногах, и время на экране телефона уже отбивало час тридцать и два часа. И он перебегал из осени в новую зиму и часто останавливался — то у матери на могиле, то у сестры дома, то в гостях у отца, то у стола новой сотрудницы Зины, которую однажды повел в ЗАГС и назвал женой. И когда они после этого лежали вместе в кровати, Зина опустила руку и достала откуда-то снизу книгу. «Библия, не для продажи» — значилось на ней. Зина открыла заложенную страницу.

— Почитай, — попросила Кирилла, — и он стал перечислять ей вслух внуков Иуды, его правнуков и праправнуков. Но до четвертого колена Иудиных внуков они не дошли. То ли заснули, то ли...